

ЭТА РЕАЛЬНОСТЬ ТАКОВА
КАКОЙ ТЫ ХОЧЕШЬ ЕЁ ВИДЕТЬ.

ЭДЕМ
ПРОЕКТ

НЕО-СИТИ

БУДУЩЕЕ

СОЗДАЁМ

ВМЕСТЕ

Х Р А Н И Т Е Л Ь

ЭДЕМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ. ВЫБОР.

Владимир Морозов

Хранитель Эдема

«Автор»

2026

Морозов В.

Хранитель Эдема / В. Морозов — «Автор», 2026

Нью-Сити никогда не спит. Он жрёт, переваривает и выплёвывает тех, кто не успел стать сильнее. Дрейк — один из лучших наёмников этого города. Он не боится смерти, потому что уже умер однажды. Его сознание застряло между мирами — в цифровом Эдеме, где нет боли, но нет и жизни. Теперь он может чувствовать, но каждое чувство убивает его. Когда на его пути оказываются две сестры, на которых охотятся, Дрейк вступает в игру, где ставка — не деньги, не жизнь. Ставка — возможность снова стать человеком. Но что, если цена за это — его окончательная смерть?

© Морозов В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Морозов

Хранитель Эдема

Глава 1

Уважаемый читатель!

Я не отношусь к тем писателям, которые знают все правила и делают всё «как надо». Эта книга — черновик. Она не закончена. В будущем в ней будут изменения, но сюжет и последовательность событий останутся неизменными.

В книге описаны сцены убийства, смерти, самоубийства. Автор не пытается задеть чувства верующих или кого-либо ещё. Это история о мире, который не прощает слабости, и о людях, которые пытаются сохранить душу в железе.

Все имена и совпадения с реальным миром являются выдумкой автора. Любые совпадения случайны.

Спасибо, что читаешь. Ты — первый, кто видит этот мир таким, какой он есть сейчас.

Хранитель Эдема

Глава 1.

Огни небесного города

Он не помнил, сколько их было. Но помнил, что последний упал на лестнице этажом ниже.

Кровь не слушалась. Она лилась, оставляя на ржавых перилах влажный, тёплый след — будто кто-то рисовал карту его падения. Пальцы сжимали металл, но пальцы почти не чувствовали. Только вибрация — шаги, которые уже не имели значения.

В глазах — вспышки. Не света. Ошибок. Система выплёвывала предупреждения, но он давно перестал их читать. В ушах — не звон. Это город пел свою вечную песню, состоящую из сирен, реклам, чужих голосов и обещаний, которые никто не выполнял.

Дверь на крышу поддалась с третьего удара плечом. Он рухнул на мокрую плитку, и вода смешалась с тем, что вытекало из него, превращаясь в алый ручей, который медленно полз к краю.

Дождь был кислотным. Он не смывал боль, он её растворял, делая острее. Капли били по лицу, но он не закрывал глаз. Он смотрел в небо, которого почти не было видно за неоновым туманом.

Система моргала:

#КРИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЙ#

#РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННАЯ ЗАМЕНА КОРПУСА#

Он усмехнулся. Замена корпуса. Как будто тело — это просто одежда.

Он лежал, слушая дождь. Шум крыш, по которым вода стекала вниз, будто город плакал, но не жалел никого. Он плакал машинами, деньгами, кровью, которая давно перестала быть чьей-то.

Голова гудела от предупреждений, но он знал: это не система сбоит. Это он сам. Его тело, которое уже не было его. Импланты вдали. Боль была настоящей. Значит, и смерть будет настоящей.

Человек попрощался со своим телом давно. Взял вместо него металл, пластик, чипы. И теперь, когда мир стал быстрее, сильнее, удобнее — он понял: удобство не делает жизнь живой.

Правая рука, единственная, в которой ещё оставалась плоть, дрогнула и потянулась к плечу. Пальцы нащупали кобуру, холодную, как утро, которое никогда не наступает. Револьвер. Старый, искрящийся, похожий на кусок железа, который когда-то был смертью для людей.

Сейчас он будет смертью для меня.

Он поднялся. Медленно. С каждым движением тело напоминало, что оно сломано. Но сломанное тело не чувствует страха.

На краю крыши он остановился. Город внизу сиял. Он был огромен, как живое существо, которое дышит огнями, дымами, шумами. Рекламы кричали о вечной молодости, сирены оплакивали тех, кто не успел. Но никто не смотрел вверх. Никто не видел его.

Нью-Сити. Самый яркий казино. Ты даёшь выиграть, чтобы потом забрать всё.

Он поднял голову к небу. Настоящему небу, которое пыталось пробиться сквозь завесу реклам. Звёзды были там. Маленькие, но живые. И луна — бледная, как призрак, которому некуда идти.

Он смотрел на них, и впервые за много лет ему показалось, что небо смотрит на него в ответ.

— Прости меня...

Голос сорвался. Он не плакал — у него не было слёз. Была только тишина, которую он носил в груди вместо души.

— Я больше не могу. Мне нужно отдохнуть.

Револьвер у виска. Холодный металл касается кожи. Рука уже не дрожит. Он знает этот момент — последнюю секунду, когда мир ещё существует. Он не боится смерти. Он её ищет.

Ищущий смерть будет отринут ею.

Но он всё равно нажимает на курок.

Выстрел.

Громкий. Чистый. Одинокий.

Тело падает вниз, в объятия света, который никогда не согревает.

Глаза гаснут. Но не сразу. На миг он видит, как город на мгновение замолкает. Как будто он услышал этот выстрел и запомнил его.

А потом — ничего. Только огни города, которые никогда не гаснут.

Жизнь в этом городе была устроена просто: ты либо держишься, либо тонешь. Здесь не было места для сожалений. Только для сделок, пуль и дыма.

В то мгновение он был уверен, что это конец.

Но смерть не всегда приходит тогда, когда её зовут.

Иногда она оставляет человека жить.

Несколько лет спустя город почти не изменился.

Всё те же трущобы. Всё те же неоновые вывески. Всё тот же запах дыма, дешёвого алкоголя и гнили.

Наемник остановился у входа в бар и молча накинул капюшон. В его руке больше не было револьвера.

Но тишина, родившаяся на той крыше, всё ещё жила внутри него.

Бар на окраине трущоб жил своей вечной жизнью. Каждый день одни и те же лица, одни и те же разговоры — о том, как раньше было лучше, как правительство обманывает, как конкуренты подставляют, и как водка когда-то была настоящей, а не синтетической дрянью. Сигарный дым висел над головой, как облако, которое не умеет рассеиваться. Неоновые лампы — красные и синие — придавали помещению вид утробы, где люди прятались от мира, в котором не выживают.

Но в этот вечер привычный ритм был нарушен.

Дверь открылась. Внутри шагнул незнакомец в чёрном плаще. Он не был похож на местных. И даже на тех, кто изредка заглядывал в эти края. Капюшон был низко опущен, лица не видно, но под ним горели два синих глаза. Они были ярче любой рекламы в этом квартале. Холоднее. Спокойнее.

Он не оглядывался. Шёл к двери в конце зала, где стояли трое охранников. Один из них — большой, почти целиком металлический, с толстыми гидравлическими руками, которые могли раздавить кости без особых усилий.

Незнакомец прошёл мимо барной стойки, не глядя на тех, кто сидел. Но все смотрели на него. Как будто почувствовали, что этот человек не просто зашёл выпить. Он зашёл для чего-то другого.

Громила поднял ладонь, когда тот был уже почти у двери.

— Стой. Пока шеф не договорит — никто не входит.

Слова были грубыми. Но незнакомец даже не остановился. Он сделал ещё один шаг, и тогда здоровяк оттолкнул его одной рукой — сильно, как швыряют мешок с мусором.

— На каком языке тебе сказать? Могу на языке боли.

Незнакомец не ответил. Он просто посмотрел на него. И в этом взгляде не было страха. Только усталость. Такая глубокая, что она превращалась в спокойствие.

Он сделал шаг назад, взял с барной стойки бутылку виски, отпил — и швырнул её прямо в голову громилы.

Стекло разлетелось. Бутылка не долетела, но её осколки на мгновение ослепили охранника. Этого было достаточно. Незнакомец рванул вперёд. Два удара по корпусу. Тяжёлые, металлические, почти бесполезные. Но он бил не для того, чтобы убить. Он бил, чтобы отвлечь.

Громила взревел. Схватил его за плащ и швырнул на барную стойку. Удар был сильным, но незнакомец уже катился, вставал, ждал. Когда громила замахнулся для сокрушительного удара, он увернулся и ударил коленом прямо в челюсть. Так, что здоровая туша пошатнулась, завалилась на стойку, а потом скатилась на пол с глухим металлическим грохотом.

Незнакомец поправил плащ и посмотрел на двух других охранников.

— Кусок железа, — сказал он без насмешки. Просто констатировал факт.

Бандит же выкрикнул

-Ах ты сука !!! Да мы тебя...

Один из них двинулся к нему, но незнакомец не позволил ему приблизиться. Рука нырнула под плащ, и в следующее мгновение дуло револьвера смотрело ровно в лицо следующему противнику.

— Что ты там вякнул?

Секунды тянулись как резиновые. Все в баре замерли. Кто-то сжимал оружие под столом, кто-то уже мысленно попрощался с жизнью. Но тут, в конце зала, открылась дверь.

— Ты совсем сдурел? — громко сказал мужчина. Одет он был в белую рубашку и чёрные брюки. Золотые зубы сверкнули даже в полумраке.

Он подошёл к беспорядку, посмотрел на поверженного громилу, потом на незнакомца.

— По-твоему, это нормально — врываться в мой бар, устраивать драку с моими людьми, когда я разговариваю с партнёром?

Незнакомец молчал. Тогда барменша быстро налила виски и протянула хозяину. Мужчина выпил залпом. Потом ещё раз. И только после этого выдохнул.

— Научись терпению, друг мой.

Он посмотрел на беспорядок, хмыкнул и махнул рукой.

— Идём, выйдем на воздух.

Они сели на ступеньки. Холодный ветер, запах дыма и машинного масла. Ночной город шумел, где-то вдалеке выла сирена, и кто-то выкрикивал проклятия, которые уносило эхо.

Родни (так звали мужчину) закурил, протянул сигарету незнакомцу. Тот взял, но долго искал зажигалку. Родни щёлкнул пальцем — и из его пальца вырвался маленький огонёк.

— Ты вернулся без напарника. Без объяснений. И сразу пёрся ко мне, хотя знал, что я занят. Чего тебе?

Незнакомец затаился.

— Задание пошло не по плану. Напарник переметнулся к Скелетам. Хотел кинуть нас. Но сути это не меняет. Мираж они не купили. Меня хотели в расход, товар забрать.

— Ёбанные Скелеты, — выдохнул Родни. — Ну и что?

— Я забрал мозговой чип. Там интересная информация.

Родни кивнул и протянул ему свёрток денег.

— Двойная плата. За тебя и за мёртвую крысу. Ты не подвёл.

Незнакомец убрал деньги во внутренний карман. Хотел сказать спасибо, но просто кивнул. Родни улыбнулся золотыми зубами.

— Иди. Найди ту, которая согреет тебя. А если нет — хотя бы напьешься .
Незнакомец встал, накинул капюшон и пошёл в темноту.

Он шёл быстро, но без спешки. Переулки сужались, и город открывал своё истинное лицо — грязное, больное, забытое. Люди сидели у стен, почти не живые. Их тела были покрыты шрамами от дешёвых имплантов, которые они воровали или покупали за последние деньги. Запах смерти и гнилой плоти висел в воздухе.

Вот она, твоя свобода, — думал он. — Ты вырос здесь. Ты знаешь, как это пахнет.

Но мысли были прерваны. В одном из переулков он увидел столпотворение. Четверо бандитов окружили девушку с ребёнком. Девочка прижималась к ней, а та закрывала её собой, как щитом.

Он остановился. Секунда. Две.

Не влезай. Ты уже слишком много сделал сегодня. Не влезай.

— Сука, — прошептал он, не в силах сдержать себя.

Руки двинулись быстрее, чем он успел подумать. Оружие выскользнуло из кобуры. Он вышел из тени — бесшумно, быстро, и уже через мгновение оказался рядом.

— Слышь, Череп, нам сегодня крупно повезло, — говорил один из бандитов, схватив девочку за руку. — Две награды!

Девушка сжала ребёнка сильнее. Глаза её были полны слёз, но она молчала.

— Отдай её! — крикнул бандит. — Либо ты, либо она. Выбирай!

Первым его заметил тот, что стоял с краю. Он успел только открыть рот. Клинок вошёл ему в плечо, Наемник дёрнул лезвие вниз, и бандит рухнул, зажимая рассечённую руку

Они не успели опомниться. Первый бандит, тот, что стоял с краю, рванул к нему с ножом. Незнакомец встретил его на полшага — клинок, встроенный в правую руку, скользнул вверх, рассекая предплечье. Кость хрустнула, и бандит рухнул на колени, выронив нож. Но он был наёмником: даже падая, он выхватил пистолет и выстрелил в упор.

Наемник ушёл в сторону — пуля прошла мимо, вспорола бетонную стену. Лево́й рукой он уже выбросил встроенный ствол и выстрелил в ответ — в плечо бандита, чтобы тот не мог поднять оружие. Тот завалился набок, зажимая пробитое плечо.

Второй бандит, стоявший за спиной, поднял оружие и выстрелил. Он даже не обернулся — он выбросил клинок из правой руки, и лезвие, как продолжение его тела, рассёк воздух, разрезая пулю пополам. Две половины свинца разлетелись в стороны, а клинок уже втянулся обратно в предплечье. В этот же миг левая рука выстрелила ещё раз — пуля вошла в бедро наёмника, и тот рухнул с глухим стоном.

Третий бандит попытался ударить его прикладом сзади — наемник услышал свист за секунду до удара. Он развернулся, перехватил приклад, вывернул руку наёмника, и в тот же миг клинок правой руки вошёл в бедро противника. Бандит заорал, отпустил оружие, схватился за ногу, и Дрейк выстрелил левой рукой в плечо — тот отлетел к стене и остался лежать, хрипя.

Четвёртый замер. Он стоял на месте, сжимая оружие, но пальцы дрожали. Он смотрел, как наемник двигается, и понимал: это не человек.

Он подошёл к нему. Спокойно. Медленно.

— Кто ты? — спросил бандит, и голос его сорвался на хрип.

Наемник остановился. Посмотрел на него. В его глазах не было ненависти. Только холодная, пустая тишина.

— Смерть, — сказал он.

Клинок правой руки вошёл в лоб бандита быстро и беззвучно. Тот обмяк, оседая на колени, а затем и на землю.

Он выдернул лезвие. Оба оружия исчезли — клинок в предплечье, ствол — в кобуру.

Девушка сидела у стены, прижимая к себе девочку. Она не кричала, не плакала. Только дрожала, и эта дрожь была единственным признаком того, что она всё ещё боится.

Незнакомец подошёл ближе. Он уже знал: они не киборги. Это было видно по тому, как они двигались, как дышали, как смотрели. Никаких вживлённых датчиков, никаких светящихся глаз, никаких металлических пластин под кожей. В Атлантик-Сити таких людей почти не осталось. Их встречали реже, чем чистую воду.

Ева подняла голову. Её глаза — карие, без сетчатки, без хрома — встретились с его глазами. Волосы были тёмными, длинными, немного растрёпанными. На вид — лет двадцать пять. Одежда — дорогая, но уже потёртая, будто они долго бежали.

Рядом с ней сидела девочка. Лет двенадцать, не больше. Её серые волосы были распущены и падали на плечи, закрывая половину лица. Она не плакала. Она просто смотрела на него. Взгляд у неё был взрослый, спокойный, даже изучающий. Её руки сжимали край плаща сестры.

Наемник перевёл взгляд с одной на другую. Он привык видеть людей, слившихся с машинами. Металл, пластик, чипы, камеры вместо глаз — это было нормой. А здесь — две живые души. Настоящие. Без железа. Без защиты.

Как они выжили? — подумал он.

И сразу же понял: они не выжили бы. Не в этом городе. Не без него.

В голосе Алисы не было страха. Только удивление.

— У тебя синие глаза, — сказала Алиса, не отрывая от него взгляда. — Как папа говорил. Наемник замер.

— Твой отец? — спросил он, и голос его стал тише.

Ева подняла голову. Она всё ещё держала Алису за руку, но в её взгляде уже не было страха — только усталость и что-то похожее на надежду.

— Наш отец, — сказала она. — Он говорил о тебе. Он сказал, что если нам станет некуда идти — мы должны найти человека с синими глазами.

— И ты решила, что это я? — спросил Наёмник.

— Ты не похож на тех, кто живёт здесь, — сказала Ева, обводя рукой переулок, трущобы, мёртвых бандитов на асфальте. — Ты не боишься. Ты не такой, как все. И глаза у тебя синие.

Алиса шагнула вперёд, оторвавшись от сестры.

— А ты правда нас защитишь? — спросила она, и в её голосе не было страха. Только любопытство.

Дрейк посмотрел на неё. На её серые распущенные волосы, на её глаза, которые смотрели на него без страха, без лжи. И он понял: он не сможет сказать ей «нет».

— Зачем вам покидать город? — спросил он.

Ева переглянулась с Алисой, затем снова посмотрела на него.

— Нас ищут, — сказала она. — Мы не знаем, кто. Но отец сказал: если мы останемся — нас убьют. Он сказал, что ты сможешь вывести нас за пределы Атлантик-Сити.

— А что за пределами?

— Нас там встретят, — сказала Ева, и в её голосе появилась твёрдость. — Нам сказали, что за городом есть те, кто может нас укрыть. Мы не знаем, кто они. Но мы знаем, что они ждут нас.

— Ты доверяешь людям, которых не видела?

— Я доверяю своему отцу, — ответила Ева. — Он никогда не врал.

Незнакомец помолчал. Он смотрел на них, на этих двух живых людей, без имплантов, без металла, без защиты. И он понял, что не может оставить их здесь, даже если он сам уже давно не верит в спасение.

— Я помогу вам, — сказал он наконец. — Но сначала мне нужно знать, кто вы на самом деле.

Ева протянула руку.

— Я Ева, — сказала она. — А это моя сестра Алиса.

Дрейк не сразу ответил. Затем медленно сжал её руку своей — той самой, где прятался клинок и ствол.

— Дрейк, — сказал он.

Алиса улыбнулась.

— Мы знаем.

Эти слова заставили его замереть

И в этот момент он понял, что его путь только начинается. Что город ещё не сказал своего последнего слова. Что эта встреча изменит

Тьма быстро накрыла город. Наёмник прекрасно понимал: чем быстрее они выйдут на освещённые улицы, тем безопаснее доберутся до места. Он не желал больше устраивать схватки с противником — жизнь наёмника всегда вертится между смертью и богатством. А когда тащишь за собой двух девушек по трущобам, риск того, что тебя прикончат и пустят по биокоробкам твои органы, возрастает в несколько раз.

Девушки шли вместе, за руки, стараясь не замечать весь ужас трущоб. Умершие от передозировки — или того хуже — остатки человечества надолго отложатся в их памяти. Были и небольшие остановки, когда Еву, казалось, вот-вот вывернет от запаха. Но всё же они вышли за пределы трущоб.

Уже на освещённой улице они подошли к краю дороги. Наёмник приподнял руку и прислонил её ближе к груди. Девушкам показалось, будто он смотрит на часы, как вдруг устройство, похожее на часы, открыло голографическую карту местности с их точным местонахождением. Незнакомец кончиком пальца коснулся голографического экрана и пристально посмотрел вверх. Через мгновение между высокими небоскрёбами появился транспорт. Перед девушками медленно приземлилась машина, раскрыв двери.

— Я не любитель пассажиров. Вам придётся уместиться на одном сиденье.

— Я немного боюсь летать на таких, — тихо проговорила девочка, глядя на сестру.

— Алиса, у нас нет выбора. Он нам поможет. И ты уже почти взрослая.

И снова казалось, что Алиса готова заплакать. С ней многое произошло за последнее время, а недавние события стали последней каплей её стойкости.

Ева присела на одно колено и положила ладони на плечи девочки.

— Моя дорогая, я знаю, что ты боишься, я тоже боюсь. Он единственный, кто нам поможет, нам надо...

— Вы закончили?! — крикнул Дрейк из машины.

Ева обняла сестру, подняла на руки и усадила в кресло, посадив Алису на колени. Они взлетели. Машина резала воздух между небоскрёбами, поднимаясь всё выше. Казалось, асфальт уже не видать — лишь яркие полосы освещённых дорог внизу. Они выходили на оживлённое воздушное пространство, где кипела ночная жизнь. Машин было не счесть, каждая куда-то спешила.

— Ева, смотри! — девочка показала пальцем на парящий над землёй город. Весь сияющий, манящий своей красотой. — Что это? Мы туда летим? Там твой дом?

— Алиса! — повысила голос Ева. Девочка затихла, опустив голову.

Ева нервно выдохнула и посмотрела в окно на небесный город.

— Это Поднебесная, — спокойно проговорил наёмник. — На земле её называют Сириус. Город, парящий над землёй. Один из самых больших воздушных городов на планете. Там не знают о смерти, не голодают, не нуждаются ни в чём.

Дрейк не ответил. Он смотрел на неё, но видел другое. Он видел поле. Бесконечную зелень, по которой бегал босиком, чувствуя, как трава щекочет ступни, как ветер касается лица.

— Как в Эдеме, — сказала она тихо, не оборачиваясь. — Папа говорил, что хотел спасти человеческую душу.

Дрейк замер. Слово ударило его, как выстрел в грудь.

Эдем.

Он знал это слово. Знал, кто его создал. Знал, что оно стоило кому-то жизни

Воспоминание пришло неожиданно — оно всегда приходило неожиданно. Он снова был мальчишкой. Солнце только начинало подниматься, и его лучи пробивались сквозь ветви, оставляя на земле тёплые золотистые пятна. Пахло свежестью, цветами и чем-то далёким, что он не мог назвать. Птицы пели так, что хотелось бежать и смеяться.

Он бежал по траве, босой, чувствуя, как каждое прикосновение к земле отдаётся лёгким щекотанием. Его руки касались колосьев, и он смеялся, потому что мир был большим, тёплым и добрым.

А впереди стояла она. Женщина в белом платье, с тёмными волосами, которые ветер поднимал и кружил, словно они были частью этого поля. Она стояла у края, где деревья расступались, открывая вид на бесконечные горы.

— Мама! — крикнул он, и голос разорвал тишину.

Она обернулась. Её глаза — такие же синие, как его, — засветились теплом. Она улыбнулась, и в этой улыбке было всё: любовь, грусть, нежность, и что-то такое, что он не мог понять, но чувствовал каждой клеткой.

— Иди ко мне, — сказала она.

Он подбежал, ухватился за её руку, и она притянула его к себе. Трава под ногами была тёплой, ветер гладил лицо, а небо было бесконечно глубоким.

— Мама, почему небо такое синее?

— Потому что оно хочет, чтобы мы смотрели на него, — ответила она. — Оно хочет, чтобы мы помнили, как выглядит свобода.

— Скажи мне, — спросила она, и голос её был тих, как ветер над полем, — ты знаешь, что такое душа?

— Нет, мама.

Она опустила перед ним на колени и взяла его лицо в ладони.

— Душа — это то, что остаётся, когда всё остальное забирают. Когда ты теряешь дом, друзей, даже своё имя. Если ты чувствуешь боль — душа жива. Если ты радуешься солнцу — она дышит.

— Как я могу её сохранить?

— Не дай ей замёрзнуть, — сказала она. — Помогай тем, кто слабее. Помни, кто ты есть. И никогда не соглашайся на пустоту вместо жизни.

Он подумал.

— А если я умру, она тоже умрёт?

— Нет, сынок, — улыбнулась она. — Она останется в тех, кто тебя помнит. В каждом твоём поступке. В каждом твоём слове.

— А у тебя есть душа?

Она засмеялась — тихо, звонко, как в первый раз.

— У меня — самая большая из всех. Потому что я люблю тебя.

Он прижался к ней крепче и почувствовал, как мир перестаёт быть холодным.

— Эй! — голос Евы прорвался сквозь воспоминание. — Ты меня слышишь? У тебя кровь!

Дрейк открыл глаза. Он сидел за рулём машины. Вокруг — ночной город. Рядом — Ева и Алиса. Его руки сжимали руль так, что побелели костяшки. Из носа текла тёплая струйка.

Он вытер кровь тыльной стороной ладони, зажмурился на мгновение, затем открыл глаза и переключил управление на ручное. Рычаг под его ладонью мягко поддался, и он почувствовал контроль.

— Всё нормально, — сказал он ровно. — Системный сбой. Бывает.

Алиса посмотрела на него. В её взгляде не было испуга. Она смотрела так, будто знала, что кровь — это не просто сбой.

— Дмитрий? — спросил он, и голос его дрогнул.

Ева подняла голову.

— Откуда ты знаешь имя нашего отца?

Дрейк не ответил сразу. Он смотрел на неё, на её лицо, на её глаза, и в его голове щёлкал пазл. Её глаза. Те же, что у него.

— Я знал его, — сказал он тихо. — Он спас меня. А теперь я спасаю вас.
В машине повисла тишина.

Алиса перевела взгляд с сестры на Дрейка.

— Значит, ты знал папу? — спросила она.

— Да, — сказал Дрейк. — И теперь я понял, чьи вы дети.

Он переключил машину на ручное управление и направил её в сторону огней, молча, но теперь внутри него горела не усталость. А что-то другое.

Долг.

Они летели над городом, который не прощал. Атлантик-Сити расстился внизу, как живой организм — пульсирующий огнями, дышащий дымом, гудящий тысячами голосов. Небоскрёбы уходили в облака, оставляя внизу только бетон, грязь и свет, который не согревал.

Город был огромен. Он был как зверь, который никогда не спит. Но внутри этой машины, разрезающей ночь, была тишина. Не спокойная, а натянутая — как струна перед тем, как лопнуть.

Ева прижимала к себе Алису. Девочка почти спала, но её глаза ещё были открыты. Она смотрела в окно, на огни, которые мелькали внизу, и молчала. Ева хотела спросить её, о чём она думает, но не могла найти слов. Она смотрела на затылок Дрейка, который сидел за рулём, и не понимала, как он может быть таким спокойным.

Переключает на ручное управление и поворачивает к одному из небоскрёбов. Ева больше не спрашивает. Она прижимает к себе уже спящую Алису и смотрит в окно.

— Скоро прибудем, — сказал Дрейк, не оборачиваясь. Голос его был ровным, как будто он говорил не с живыми людьми, а с картой на экране. — Ни с кем не говорить. Никуда не ходить. Лиц не показывать.

— Откуда ты знаешь, что нас ищут? — тихо спросила Ева, глядя на его затылок, на линию плеч, которая не выражала ни напряжения, ни расслабления — только глухую усталость.

— Из города два выхода, — ответил он, чуть повернув голову в её сторону. — Оба — смерть. Третьего нет. Если вам нужно уйти — значит, я помогу.

Она хотела спросить ещё, но передумала. Вместо этого она просто сжала руку Алисы и посмотрела в окно.

Машина плавно пошла вниз, и перед ними открылась парковка у здания, похожего на отель, но слишком холодного для того, чтобы быть домом. Белый свет, металл, ни одного человека на виду.

— Асгард, — произнёс Дрейк, и в его голосе впервые прозвучала тень уважения. Или насмешки — Ева не поняла.

— Ты притащил нас в логово наёмников? — выдохнула она, и голос её сорвался на крик. — Нас тут сразу найдут! Ты нас решил сдать?!

Алиса проснулась от её голоса, но не заплакала. Она только крепче прижалась к сестре и перевела взгляд на Дрейка.

— Наш уговор в силе, — ответил он, и его голос не повысился, не дрогнул. Он говорил так, как будто объяснял ребёнку, почему нельзя трогать огонь. — Это самое безопасное место в городе. На территории Асгарда вас не будут искать ни федерация, ни копы, ни наёмники. Здесь наказуемо любое нападение. И вторая причина: вас здесь никто не знает. Для гостей предусмотрена конфиденциальность.

Он потянулся на заднее сиденье и достал два тонких кольца.

— Наденьте их на шею. Они скроют вашу внешность.

Ева смотрела на кольца, потом на него. Её губы сжались.

— Ты серьёзно предлагаешь мне надеть ошейник?

— Выбора нет, — ответил он спокойно, и в его голосе не было угрозы. Только усталая правда. — Хотя я могу остановиться и оставить вас здесь.

Ева выдохнула, взяла кольцо и надела на шею. Оно сжалось, и она вздрогнула. Её пальцы дёрнулись к металлу, но он уже стал невидимым. Она попыталась снять его — бесполезно.

— Успокойся, — сказал Дрейк, даже не повернув головы. — Если бы я хотел вас сдать — вы бы уже были проданы в трущобах.

Он приложил ладонь к панели, и лицо Евы изменилось. Теперь на её месте сидела другая женщина — с чужими чертами, другим цветом глаз, другой кожей. Ева поднесла руки к лицу, провела пальцами по щекам, по носу.

— Надевай на неё, — протянул он второе кольцо.

Алиса сжала губы. Она не смотрела на кольцо. Она смотрела на Еву.

— Я не хочу его надевать.

— Обещаю: как будет возможность — сразу снимем, — сказала Ева, и голос её был мягче, чем она хотела.

Девочка вздрогнула, когда кольцо сомкнулось на её шее, но промолчала.

Они вышли из машины. Две девушки, которых никто не узнал бы в этом городе, и мужчина в чёрном плаще, который шёл впереди, не оглядываясь.

У входа — охранники.

— Держитесь рядом, — сказал Дрейк, выходя из машины. — Я говорю. Вы молчите. И не показываете лиц.

Ева закатила глаза, но ничего не сказала. Алиса взяла её за руку.

Охрана у входа хотела остановить Дрейка, но он поднял рукав плаща, и на секунду Алиса увидела татуировку. Часть лица, скрытая шлемом, и глаза, горящие разными цветами — один красный, другой синий. Охранник провёл рукой над тату, и синеватый свет на мгновение осветил его лицо.

— Прошу, мистер Дрейк, — сказал он.

Дрейк кивнул и прошёл внутрь.

— Они со мной, — сказал он через плечо.

— Мистер Дрейк, вы же знаете правила.

— Знаю. Но вы знаете и меня. И если я говорю, что они со мной — значит, так и есть.

Охранник улыбнулся.

— Тогда добро пожаловать.

Они зашли в лифт. Алиса пыталась найти кнопки — они находились в стене, на уровне её головы, но она их не видела. Ей казалось, что Дрейк управляет лифтом силой мысли.

— Это он делает, — сказала Ева, заметив её взгляд. — Он контролирует лифт. Мысленно.

— Я тоже так хочу, — прошептала Алиса.

— Нет, не захочешь, — тихо сказал Дрейк.

Лифт остановился на двадцатом этаже.

Комната была большой — панорамное окно от пола до потолка, мягкая мебель, приглушённый свет. Настоящая роскошь.

Дрейк закрыл дверь и прислонился к стене.

— Ванная на втором этаже, — сказал он, не глядя на них. — Выходить не открывать. Никому не открывать. Я вернусь через пару часов.

Он вышел, и дверь за ним закрылась с лёгким щелчком.

Ева стояла посреди комнаты, оглядываясь. Потом тяжело выдохнула, села на диван и уронила голову на руки.

Алиса подошла к окну и прижалась носом к стеклу. Внизу, далеко-далеко, город продолжал жить.

— Ева, — тихо сказала она. — Я хочу домой.

Ева подняла голову и посмотрела на сестру.

— Мы скоро вернёмся, маленькая. Обещаю.

Но в этом обещании не было уверенности. Только надежда, которая уже начала таять.

Они остались одни. Ева стояла посреди комнаты, сжимая кулаки. Она была зла, но не знала, как выплеснуть эту злость. Она глубоко выдохнула и повернулась к сестре.

— Ну что ж, значит, подождём. Пойдём, моя дорогая. День был трудный. Сначала помоемся, потом я тебя уложу спать.

Пока девушки занимались своими делами, Дрейк двинулся к лифту. Двери закрылись за ним бесшумно, и кабина поползла вверх, почти до самого верха здания.

Когда створки разъехались, перед ним открылся короткий коридор. Тусклый свет, бетон, тишина. В конце — единственная дверь, без таблички, без глазка. Только панель с красным замком, горящим в полутьме.

Дрейк сунул руку во внутренний карман плаща, нащупал таблетку и проглотил её, даже не запив. Горло обожгло горечью. Затем он подошёл к двери и поднял руку. Его глаза — ярко-синие, живые — начали мерцать, как будто сканировали замок. Через секунду красный огонёк сменился зелёным, и раздался щелчок.

Дверь приоткрылась. Он шагнул внутрь — и комната поглотила его тьмой.

Тишина. Только звук его дыхания и гул вентиляции где-то в стенах.

Он сделал шаг. Второй.

Удар пришёлся в затылок — глухо, резко, со звоном в ушах. Оружие вылетело из руки, но он не упал. Он развернулся, перехватил чужую руку, и началась драка. Тяжёлая, быстрая, в полной темноте. Удары уходили в пустоту, сбивали дыхание, но он держался.

А потом он поймал её движение — и прижал нападавшую к стене.

Глаза его осветили лицо, и он увидел её.

Это была девушка. На его лице — удивление, в её взгляде — улыбка, которую он так хорошо знал.

— Ты меня очень напугал... — сказала она, и голос её дрогнул. — Но как мне этого не хватало, Дрейк... Твои прикосновения.

Он не отпускал её, но хватка ослабла.

— Хлоя, — выдохнул он.

Она не шевелилась. Её глаза смотрели на него — с теплом и грустью, которую он не мог забыть.

— Ты всё так же срываешь замки, — сказала она. — Я уже думала, ты забыл, где я.

— Я никогда не забываю, — ответил он, и голос его был тише, чем он хотел.

Хлоя скинула его руку со своей шеи и в следующее мгновение уже прыгнула на него, обхватив ногами его торс. Её пальцы вцепились в его волосы, в плечи, в ткань плаща. Поцелуй был не нежным — он был голодным, злым, как будто она хотела выпить из него всё, что он прятал.

Он не оттолкнул её. На мгновение его руки замерли в воздухе, а потом он прижал её к себе — сильно, почти грубо, как будто разрешил себе то, что запрещал годами. Она почувствовала, как его пальцы впились в её спину, как он притянул её ближе, как его дыхание сбилось, смешалось с её.

— Я ненадолго, — прошептала она, отрываясь от его губ, но он не дал ей договорить. Он снова притянул её к себе, целуя глубже, жёстче, как будто в этом поцелуе пытался сказать всё, что не мог произнести вслух.

Она застонала, сжимая его плечи, и он почувствовал, как её пальцы впиваются в его кожу сквозь ткань — нежно и больно одновременно. Он прижал её к стене, не разрывая поцелуя, и она выгнулась ему навстречу, забыв обо всём, кроме его рук, его губ, его дыхания, которое пахло таблетками и горечью.

— Дрейк, — прошептала она, и в голосе её была не просьба, а приказ, от которого он не мог отказаться.

Но он остановился.

Он оторвался от неё, тяжело дыша, и положил ладонь на стену рядом с её головой. Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах было всё — и злость, и любовь, и отчаяние.

Ты знаешь, что это убьёт меня, — сказал он тихо. — Каждый раз. Как только я позволяю себе чувствовать — я умираю.

Она положила руку на его грудь, туда, где билось сердце, которого он сам не слышал.

— Я знаю, — ответила она.

Он закрыл глаза на мгновение, потом открыл их и отстранился.

Она не держала его.

— Ты привёз их сюда, — сказала она, и голос её стал тише, почти заботливым. — Я вижу, что это не просто контракт. Кто они?

Он посмотрел на неё. И в его синих глазах мелькнула тень того, что он редко показывал.

— Я помог в трущобах девушкам, — сказал он. — Двум сёстрам. Они оказались детьми Дмитрия.

Хлоя замерла.

— Дмитрия?

— Да.

Она долго смотрела на него, и в её взгляде боролись удивление, страх и тихое понимание.

— Он спас тебя. Ты спас его детей. Это не случайность.

— Я знаю, — ответил Дрейк. — Поэтому я их привёз. Они — часть ответа. Я должен выяснить, как спасти себя. И они мне помогут.

Хлоя шагнула ближе и положила руку ему на грудь.

— Тогда я помогу тебе, — сказала она. — Как всегда.

Ночь шла долго. Ева и Алиса уснули на широкой кровати, но Ева не спала по-настоящему — она только прикрывала глаза, прислушиваясь к каждому шороху. И когда дверь открылась, она мгновенно проснулась. Она поцеловала спящую Алису в лоб и вышла на лестничную площадку.

Дрейк стоял у окна, осматривая ночной город. Чёрный плащ сменился на строгий деловой костюм. В этом свете — рекламные щиты, неоновые линии, бесконечные огни — он выглядел как часть этого мира, но не принадлежал ему. Он стоял неподвижно, и Ева заметила, что его пальцы слегка сжимаются на подоконнике — не от злости, а от чего-то, что она не могла назвать.

Ева спустилась по лестнице, держась за перила.

— Почему ты нам помогаешь? — спросила она, остановившись на нижней ступени. — И откуда ты знаешь нашего отца?

На секунду в комнате повисла тишина. Только гул вентиляции и далёкий шум города за стеклом. Дрейк медленно развернулся. Его синие глаза встретились с её взглядом, и в них не было злости — только усталость, которую она уже начинала узнавать.

Он не ответил сразу. Он смотрел на неё так, будто решал, стоит ли говорить правду. Его взгляд задержался на её руке, лежащей на перилах, на её лице, которое пыталось быть твёрдым, но выдавало страх.

— Шесть лет назад я погиб, выполняя заказ твоего отца, — сказал он сухо. — Полуживого меня забрали в «Лабораторию Феникс» — организацию, которая занималась переносом сознания в Эдем. Твой отец создал этот цифровой мир, но его контролировали другие. Я оказался там. В этой не-настоящей реальности.

Он замолчал. Его взгляд на мгновение ушёл в сторону, как будто он видел что-то, что не хотел показывать. Он хотел рассказать о той, кого встретил там, но вместо этого перевёл дыхание и продолжил, стараясь говорить ровно.

— Твой отец вытащил меня оттуда, хотя не должен был этого делать. С тех пор я обязан ему жизнью. Но после возврата я понял одну вещь: если ты умер, ты не должен существовать в нашем мире. Любые воспоминания, чувства — всё, что делает тебя живым, — убивает меня. И чёрт его знает, что случится, когда я умру окончательно.

Он перевёл дыхание, и Ева заметила, как его пальцы на мгновение сжались в кулак и разжались. Он выпрямил спину, будто пытался сбросить груз, который не видел никто, кроме неё.

— Вы — ответ на мои проблемы. Твоя сестра.

Ева стояла неподвижно, впитывая каждое слово. Она смотрела на его руки, на то, как они дрожали, когда он говорил о смерти. Она видела, что он не врёт — он просто не говорит всего.

— Когда отец умер, — сказала она, и голос её дрогнул, — он сказал найти тебя. Что ты сможешь нам. Что Алиса — ключ к спасению людей. Он полностью описал тебя: твои глаза, твою скорость, твою усталость. С нами отправился телохранитель. Он вывел нас из особняка в каналы, и оттуда мы шли в трущобы. Он как-то знал, где ты.

Дрейк молчал. Он смотрел на неё, на её лицо, на её руки, и понимал: она не врёт. Она не знала ничего другого. Её отец дал им последний шанс.

Он хотел ответить, но почувствовал, как в груди сжалось что-то тёплое, почти болезненное. Он сглотнул и произнёс — тише, чем планировал:

— Он всегда знал больше, чем говорил. И он знал, что я не откажусь.

Он сделал паузу и медленно выдохнул.

— Я выведу вас за пределы города. Но сначала — я должен подготовиться. Здесь небезопасно, даже в Асгарде.

Прошло несколько часов. Ева спала, прижимая к себе сестру. Но Дрейк не сомкнул глаз.

Он стоял у окна, когда за его спиной раздался тихий голос:

-Ты так и не решил, хочешь ли ты жить.

Он повернулся. В комнате никого не было. Голос раздался прямо в голове — тихий, спокойный, без осуждения. Он не знал, откуда она говорит — из него, из воздуха, из той реальности, в которой он однажды уже умер.

— Я не хочу жить, — сказал он.

— Тогда почему ты продолжаешь дышать?

Он замолчал. Вопрос повис в воздухе, как туман, который не рассеивается.

Он стоял у окна, смотрел на город, который никогда не гаснет, и чувствовал, как слова застревают в горле. Он мог бы сказать «потому что я обязан», или «потому что я не могу умереть», или «потому что мне не дали выбора». Но это была бы ложь. Он не хотел врать ей — той, что видела его насквозь.

— Я боюсь, — сказал он наконец, и голос его сорвался на шёпот. — Я боюсь, что если захочу жить — я не смогу.

Тишина. Только гул города за стеклом.

— Тогда зачем ты ищешь ответы? — спросил голос, и в нём послышалось что-то, похожее на нежность. — Зачем ты привёл этих девушек? Зачем ты всё ещё здесь?

Он не ответил. Он просто стоял, глядя на своё отражение в стекле, и не узнавал его.

— Ты хочешь жить, — сказал голос. — Ты просто забыл, как это делается.

Он закрыл глаза. И когда он открыл их, голоса уже не было. Только он, окно и ночной город, который не знал его боли

Наступило утро.

Ева проснулась от яркого света — панорамное окно открывало вид на весь город. Она потянулась и вдруг услышала женский голос. Ровный, безэмоциональный, электронный.

— Вы проспали девять часов, сорок семь минут, тринадцать секунд. Ваша система не известна. Уровень жизненного цикла не известен. Основные показатели ваших органов не найдены. Оценка вашей жизни — ноль. Поздравляю, вы мертвы. Обратитесь в компанию «Между небом и землёй» для переноса сознания в новое кибернетическое устройство.

Ева села на кровати.

— Кто ты?

— Я искусственный интеллект, созданный в предприятии «Прогресс Новой эры». Моё имя — Асти.

— Твою мать...

— У меня нет ни матери, ни отца.

— Заткнись! — крикнула Ева.

Она вскочила. Адреналин ударил в кровь. Алисы не было рядом.

— Алиса! — закричала она, выбегая на лестницу.

— Ева, я тут! — раздался голос снизу. — Всё хорошо!

Ева выбежала на площадку и увидела сестру... и незнакомку. Та сидела на диване, спокойно поглаживая Алису по голове. Она не была красивой в том смысле, в котором привыкли видеть красоту в этом мире. В её внешности не было искусственной гладкости, симметрии, идеальных линий, которые так ценились в Атлантик-Сити. В ней была жизнь — грубая, настоящая, неотполированная.

Рыжие волосы, собранные в высокий хвост, выбивались из общей картины города, где почти все носили чёрное, серое или металлическое. Они горели даже в темноте, как огонь, который не собирается угасать. На правой щеке — тонкий, едва заметный шрам, который она не пыталась скрыть. Он шёл от скулы к виску, и она носила его как напоминание: она выжила, когда другие нет.

Её глаза — зелёные, с жёлтым отливом, как у хищника, который не нападает первым, но никогда не упускает свою жертву. В них не было пустоты, которую так часто можно было увидеть у киборгов. В них была усталость, смешанная с теплом, которое она прятала за холодным взглядом.

Она была одета так, как одеваются те, кто не боится ни боли, ни пуль: старые, потёртые кожаные штаны, короткая куртка, которая не скрывала её руки, покрытые тонкими шрамами — от битв, от падений, от жизни, которая не щадила её.

Под курткой простая тёмная майка, которая не прятала татуировку на левом плече

— Ева, смотри, какая она красивая! — сказала девочка, показывая на гостью.

Ева заметила на столе револьвер. В два прыжка она схватила сестру, прижала к себе и схватила оружие.

— Смело, — сказала незнакомка, не двигаясь. — А что дальше? Убьёшь?

— Если потребуется — вышибу тебе мозги!

— Ты правильно делаешь, — сказала девушка, и голос её был нежным, почти ласковым, — что не доверяешь незнакомцам. Но подумай: как я могла проникнуть в этот номер, если бы хотела вам навредить?

— Заткнись! Стой, где стоишь!

Ева сжала револьвер крепче, но незнакомка сделала шаг вперёд. И ещё один. Ева нажала на курок — он не поддался. Она снова нажала — бесполезно.

— Он слушается только своего хозяина, — сказала незнакомка и одним движением выбила револьвер из рук Евы. — Я не враг. Меня зовут Хлоя. Дрейк попросил меня присмотреть за вами. Пока он занят.

Алиса выскользнула из-за спины Евы и подбежала к Хлое.

— Она сделала мне бабочку! — радостно сказала она. — Настоящую!

Хлоя улыбнулась и погладила девочку по голове.

Ева медленно опустила руки, когда Хлоя убрала револьвер. Она всё ещё была напряжена, но оружие ушло, и это немного разрядило обстановку. Алиса уже подошла к Хлое и с любопытством разглядывала её.

— Ты правда умеешь делать бабочек? — спросила Алиса, поднимая голову.

Хлоя улыбнулась, и в этой улыбке не было ни угрозы, ни снисходительности. Только усталость, которую она старалась спрятать за теплотой.

— Не настоящих, — ответила она. — Голографических. Но они почти как живые.

Она щёлкнула пальцами, и над её ладонью вспыхнул маленький светящийся силуэт. Бабочка затрепетала крыльями, взлетела, описала круг над головой Алисы и опустилась ей на плечо.

Алиса замерла, боясь шевельнуться.

— Она... она настоящая?

— Нет, — тихо сказала Хлоя. — Но если тебе захочется в это верить — она станет настоящей для тебя.

Ева стояла в стороне, наблюдая. Она всё ещё не доверяла этой женщине, но что-то в ней, в её голосе, в том, как она смотрела на Алису, заставляло её сдерживаться.

— Дрейк сказал, что вы голодны, — сказала Хлоя, кивнув на стол, где стояли контейнеры.

После завтрака в комнате стояла тишина

Алиса сидела на полу, обняв колени, и смотрела на Хлою, которая стояла у окна, прилонившись плечом к стеклу. Её рыжие волосы горели в свете рекламных огней, но в глазах — зелёных, с жёлтым отливом — не было огня. Только тишина.

Ева стояла у стола, скрестив руки на груди.

— Ты давно его знаешь? — спросила она, глядя на Хлою.

— Десять лет, — ответила Хлоя, не оборачиваясь. — Больше.

— И он всегда был таким? — спросила Алиса, и в её голосе не было страха. Только любопытство.

Хлоя улыбнулась — невесело, уголками губ, как человек, который помнит что-то, что уже никогда не вернётся.

— Он всегда был таким. Сломанным. Злым на себя. Он не верит, что может быть счастливым. Он верит, что его судьба — умирать.

— Он не злой, — сказала Алиса. — Он просто грустный.

Хлоя повернулась к ней. Её взгляд смягчился.

— Ты права, — сказала она. — Он грустный. Он носит в себе такую боль, что если бы она была огнём, город давно бы сгорел.

Ева подошла ближе.

— Он говорил о нашем отце. Он сказал, что тот спас его. Это правда?

Хлоя кивнула.

— Дмитрий вытащил его из Эдема. Это программа, которая сохраняет сознание после смерти. Дрейк был мёртв. Дмитрий вернул его. Но вернуть человека из смерти — не значит вернуть его к жизни.

— Он умирает? — спросила Алиса, и в её голосе прозвучала тревога, слишком взрослая для ребёнка.

Хлоя задержала дыхание на секунду и медленно выдохнула.

— Каждый раз, когда он позволяет себе чувствовать, — сказала она. — Каждый раз, когда он вспоминает. Его тело не выдерживает. Он принимает таблетки, чтобы не чувствовать. Но они не помогают до конца. Он всё равно умирает — по кусочкам.

Ева положила руку на плечо сестры.

— Алиса, может, не стоит...

— Нет, — сказала Алиса, и её голос был твёрдым, как у взрослого человека. — Я хочу знать, кто он. Почему он нас спасает.

Хлоя посмотрела на неё с уважением. Она подошла к Алисе, присела на корточки, чтобы быть на одном уровне с ней.

— Он спасает вас, потому что это — его последнее обещание. Он не умеет любить. Он боится этого. Но когда он даёт слово, он держит его до конца. Даже если этот конец — его смерть.

Алиса взяла её за руку.

— Я хочу, чтобы он жил, — сказала она.

Хлоя сжала её пальцы.

— Я тоже.

Ева стояла и смотрела на них. Она не сказала ни слова, но в её глазах читалось то, что она не могла произнести вслух: страх. Не перед городом, не перед гильдией, а перед тем, что Дрейк не выживет. И они останутся одни.

— Он вернётся, — сказала Алиса, не отпуская руки Хлои. — Он сказал, что всегда возвращается.

Город жил своей жизнью, и Дрейк шёл по его улицам, не замечая никого. Строгий смокинг, который он надел перед уходом, уже сменился на привычный чёрный плащ. Он оставил его в машине, но перед выходом из номера снова надел — будто плащ был частью его самого, второй кожей, без которой он не мог дышать.

Город после очередной ночи ожил. Толпа бродила по улицам, над головой летали дроны, киберкары разрезали воздух. На большой улице его внимание привлёк огромный рекламный щит на здании. Новости прошедшего дня.

На экране появился намалёванный в золотом костюме кибермужчина. Он уселся на стул, раскинул руки в стороны.

— Доброе утро, Атлантика! С вами ваш любимый и неповторимый Люцифер! — голос гремел, перекрывая шум улиц. — Мы получили свежие данные о подсчёте убитых этой ночью. И эта цифра равна сорока семи! Ещё чуть-чуть — и был бы побит рекорд месячной давности! Но не стоит унывать — банды готовят нам что-то новое.

Дрейк не остановился. Он слышал эту ложь каждый день. Цифры были занижены, город умирал быстрее, чем кто-либо признавал. Он знал это лучше других.

Он остановился у многоэтажного здания, обошёл его и прибыл к бару с красивой световой вывеской «Семь грехов».

Охранники стояли у входа. Как и всегда в таких местах — крупные, с железными челюстями и пустыми глазами. Дрейк не встал в очередь. Он нагло прошёл сквозь неё. Кто-то крикнул ему вслед, кто-то провожал злым взглядом.

Один додумался схватить его за плечо.

— Эй, сучёныш! Куда так спешишь? В очередь вставай!

Дрейк мгновенно скинул его руку, ударил кулаком в торс, и в ту же секунду в его руке оказался револьвер, наставленный на голову парня.

— У меня вип, — сказал он, и голос его прозвучал холодно, как металл.

Парень, покрытый почти от и до татуировками, согнулся от боли и попросил прощения. Дрейк убрал оружие, повернулся к нему спиной и уже сделал шаг, когда развернулся и ударил голенищем в то же место, куда бил до этого. Парень отлетел на несколько метров.

Охранники переглянулись. Влезать не стали.

Дрейк подошёл к ним, закатал рукав, показав татуировку. Они позволили ему пройти.

Малоосвещённый коридор сменился большим открытым залом.

Неоновый свет. Девушки, танцующие и соблазняющие публику. Барные стойки, переполненные рюмками. Навстречу ему охранник тащил тело посетителя — от передозировки или выпивки, неважно. Дрейк даже не посмотрел в его сторону. Он подошёл к барной стойке.

— Мне нужно встретиться с Фоксом.

Бармен не поднял головы. Он натирал рюмку почти до блеска.

— А на кой он тебе?

— Это тебя не касается, — сказал Дрейк, не повышая голоса. — Здесь барабаны меняешь как патроны в магазине. Я не собираюсь отчитываться перед каждым, что мне от него надо.

Бармен нахмурился, отложил рюмку, приложил два пальца к виску.

— Тут одна неизвестная личность интересуется вами... В чёрном пла... Принял.

Он взял другую рюмку и снова начал натирать её до блеска.

— Он ждёт вас.

Дрейк направился в конец клубного зала. Даже в светлое время суток здесь стоял настоящий хаос. Громкая музыка, танцующая толпа, девушки на пилонах. В разных углах клуба кто-то сходил в страсти с партнёром, кто-то вдыхал мираж.

Навстречу ему подошли две девушки. Почти оголённые. Грудь прикрывала короткая прозрачная ткань. Они пытались взять его за руки.

— Эй, красавчик! — сказала одна. — Уверена, что за этим плащом скрывается джентльмен, который угостит двух красавиц коктейлями.

Вторая провела пальцем по его груди до паха.

— А если джентльмен очень сильно нас соблазнит, то получит незабываемую ночь с нами.

Дрейк приподнял руки, чтобы они не касались его, и смахнул капюшон. На девушек смотрели два ярко-синих глаза.

— Моему телу поможет только смерть, — сказал он. — За все эти годы я не смог почувствовать любви, страха, радости. Ни одна из вас не сможет подарить мне тепло женского тела. Уж тем более боль любви.

Он накинул капюшон и двинулся дальше.

— Он очень странный, — сказала одна. — Но его глаза... Я как будто увидела всю его боль.

Дрейк шёл к концу зала. И вдруг — яркая вспышка.

Он упал на колени, удерживая себя руками. Из носа пошла кровь. В глазу всё мерцало. Привычный мир превращался в мерцающие объекты. Киберлюди были подобны матрице — то появлялись, то исчезали.

Единственное, что он заметил в другом углу клуба, — на высоком стуле сидела голографическая девушка. Она пила из бокала и резко повернула голову в его сторону.

А затем он повалился на пол.

Открыв глаза, он увидел непроглядную тьму. Если в своём мире он не ощущал ничего, то здесь холод пронзил его насквозь.

— Я так устал... — проговорил он тихим, почти стонущим голосом.

В ответ из тьмы донёсся тихий, спокойный голос — тот самый, который он слышал в номере отеля, когда сидел у окна.

— Ты всё ещё выбираешь боль, — сказала она. — Даже здесь, даже сейчас.

Яркая вспышка — настолько сильная, будто рождалась сама Вселенная.

Дрейк лежал на уступе горы. Вокруг него звёзды. Одна из них была самой яркой. У подножия горы — белые пушистые облака. Он мог дышать, чувствовать свежий воздух. Не было ни имплантов, ни металла в его теле — лишь гладкая кожа. Он чувствовал, как ветер щекощет волосы, как тело ощущает холод камней. Он был человеком.

Дрейк лежал, стараясь не шевелиться. Он хотел запомнить эти мгновения. Но воспоминания моментально стирались из его головы.

Он услышал тихие шаги. Приподнял голову и увидел её — ту самую девушку, что сидела на стуле в баре перед тем, как он потерял сознание. Она двигалась бесшумно, почти не касаясь земли. Не человек — больше тень, которая помнит, как быть живой. С её стороны подул тёплый ветер. Там, где касалась её стопа, вмиг выростала зелёная трава, хотя большая часть области была каменистой.

Подойдя почти вплотную, она села рядом с ним. Дрейк оттолкнулся руками от земли, облокотился на камни и повернул голову к ней.

— Когда умираешь, ничего не должно болеть! — сказал он. — Я не должен ничего чувствовать! Я умер. Так объясни мне, пожалуйста, какого чёрта мне так больно?!

Он буквально выговаривал каждое слово с горем.

Девушка коснулась его щеки. Он схватился за голову руками. Глаза его были закрыты. Он снова — после долгой разлуки — почувствовал себя человеком. Человеком, которого нельзя сломать. По одной простой причине: он ломает себя сам.

Девушка встала на колени, протянула руки к его рукам и нежно оттянула их от его головы. Хоть её взгляд был прозрачным, она зачаровала его.

— Я понимаю тебя, — сказала она. — Я понимаю твои чувства. После долгого одиночества ты получил каплю надежды, каплю любви. Ты снова начинал привязываться. Твоя душа снова начинала сиять. И ты знал, чем это закончится. Знал о последствиях, но старался не думать. Ты был счастлив.

Дрейк не отводил взгляда от неё. Он чувствовал тепло её рук, её дыхание, аромат, исходящий от неё, хоть она и не была живой.

— Поэтому я лишил их себя, — сказал он. — Я не хочу больше испытывать боль, любовь, радость, грусть...

На этот раз его слова были сухими.

Девушка опустила его руки, после чего нежно обняла и прошептала за спиной:

— Глупый. Их невозможно лишиться. Ты сам себе придумал, что если их подавлять, они исчезнут навсегда.

Горе и боль, терзавшие его, постепенно начали проходить. В теле будто зажгли факел, согревающий его. После объятий он посмотрел на неё. За долгое время он по-настоящему улыбнулся.

Они сидели столько, что звёзды успели дважды сменить свои места. Говорили не о прошлом и не о будущем — только о том, что чувствовали в этот миг. Долгие разговоры, долгое молчание. В одно время они сидели и любовались красивым видом. В другое — лежали и смотрели на звёзды.

После очередного долгого молчания девушка повернула к нему голову и сказала:

— Ты можешь остаться здесь. Быть со мной... Здесь у тебя есть чувства. Здесь у тебя есть всё. Эта реальность такова, какой ты хочешь её видеть.

— Нет, — сказал он. — Не могу.

Девушка положила голову ему на плечо и улыбнулась. Она знала, что он ответит.

— Это не та реальность, которую я хочу видеть, — спокойно проговорил Дрейк и закрыл глаза.

По телу побежал холод. Снова непроглядная тьма.

Открыв глаза, он парил в воздухе. Резко перед ним появилась искажённая полупрозрачная стена, показывающая лишь его отражение. В последний раз он осмотрел свои руки — гладкая кожа, ни ссадин, ни ран.

Протянув руку, он коснулся стены. Она прошла насквозь, показывая по ту сторону металлическую руку. И в этот момент он вспомнил её слова: «Эта реальность такова, какой ты хочешь её видеть».

Он выбрал ту, где есть боль. Где есть он. Где есть они. Это была его реальность.

Вдохнув глубже, будто собираясь нырнуть, он вошёл по ту сторону стены.